

Л. Г. МОРГАН И ЭТНОГРАФИЯ США В XX ВЕКЕ

Ю. П. Аверкиева

21 ноября 1968 г. исполняется 150 лет со дня рождения выдающегося американского этнографа и историка доклассового общества Льюиса Генри Моргана. Опубликованный в 1877 г. его основной труд «Древнее общество» был высоко оценен К. Марксом и Ф. Энгельсом как «новая эпоха в разработке первобытной истории». Важнейшую научную заслугу Л. Г. Моргана они видели в его открытии «первичного материнско-правового рода как стадии, предшествующей отцовско-правовому роду культурных народов». Это открытие, по словам Ф. Энгельса, «имеет для первобытной истории такое же значение, как теория развития Дарвина для биологии и как теория прибавочной стоимости Маркса для политической экономии»¹. Оценивая методологические, философско-исторические основы учения Моргана, Ф. Энгельс писал: «Ведь Морган в Америке по-своему вновь открыл материалистическое понимание истории, открытое Марксом сорок лет тому назад, и руководимый им пришел, при сопоставлении варварства и цивилизации, в главных пунктах к тем же результатам, что и Маркс»². Сформулированное Л. Г. Морганом в этом труде учение о первобытнокоммунистическом и родовом устройстве человеческого общества на заре его истории оказало огромное влияние на представления основоположников марксизма о сущности доклассового общества. В труде Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» стихийно-материалистическое объяснение истории древнего общества, данное Морганом, получило свое дальнейшее развитие. Его выводы и фактические материалы были переосмыслены на основе марксистской методологии и подкреплены новыми материалами; эволюционизм Моргана приобрел теперь революционный характер. Сформулированное Ф. Энгельсом марксистское понимание первобытности (часто связывавшееся с именем Моргана) получило широкое распространение в западной исторической науке во второй половине XIX века. Однако начиная с 1890-х годов в США и несколько раньше в Западной Европе оно стало подвергаться все более ожесточенной критике.

За девяносто лет со времени выхода в свет «Древнего общества» учение Моргана на его родине пережило сложную историю: замалчивание, признание, отвержение и новое признание. Важнейшей причиной сложной судьбы этого учения, несомненно, является признание его основных выводов марксистско-ленинской наукой о доклассовом обществе. Критика концепции первобытной истории Энгельса — Моргана, попытки опровергнуть основные положения этой концепции были тем стержнем, вокруг которого сложилась и развивалась так называемая историческая школа американской этнографии. Выступали якобы против Мор-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. II. М. 1955, стр. 171.

² Там же, стр. 160.

гана, но нападкам подвергались именно те выводы последнего, которые были положены в основу марксистского понимания сущности первобытнокоммунистического по своему характеру и материнско-родового по своей структуре общества, лишь на развалинах которого позднее возникают отношения частной собственности, а вместе с ними моногамная семья, классы и государство. Стремясь опровергнуть это учение в целом, этнографы США прежде всего пытались дискредитировать ту фактическую основу, которую Морган нашел для своего учения о материнско-родовом устройстве древнего общества в социальных институтах американских индейцев. В работах ведущих этнографов США первой половины XX в. (Дж. Суантона, А. Крёбера, Г. Лоун, Дж. Стюарда, Дж. Мёрдока и др.) неизменно повторялось, что их полевые исследования «не подтверждают» выводов Моргана о прошлом родовом устройстве индейцев Америки.

Развенчивая Л. Г. Моргана как учёного «в свете новых данных», они пытались доказать: 1) несостоятельность его периодизации древней истории; 2) необоснованность понимания первобытного общества как родового по структуре и первобытнокоммунистического по характеру производственных отношений; 3) необоснованность положения о первичности материнского рода и зависимости патриархальных норм от развития отношений частной собственности; 4) несостоятельность вывода о возникновении моногамной семьи как конечной формы в истории человеческой семьи. В итоге они пришли к выводу о независимости семейных и родовых отношений от экономической структуры общества, к утверждениям, что классы и государство совместимы с родовым строем, что частная собственность может иметь место чуть ли не в палеолите, что род — позднее явление в истории общества, а изначально малая семья и территориальная община как объединение малых семей. На основании тех же «эмпирических» данных теории единой закономерности развития общества противопоставлялась плюралистическая теория многолинейной эволюции, согласно которой народы делились на «родовые» и «безродовые», причем у одних из «родовых» народов развивался патриархальный род, у других — матриархальный. Все эти выводы строились на основе полевых этнографических исследований социальной жизни индейцев XX в., когда индейские общества претерпели уже трех-четырёхвековой период колонизации и капиталистического освоения материка. Результатом этих усилий опровергателей Моргана была оценка его труда «Древнее общество» лишь как явления из истории этнографической науки. Утверждали, что только марксисты ценят этот труд, относят его к «марксистской классике».

Недоказательность такого рода «эмпирических» данных для решения проблем истории родового общества и необоснованность таких попыток опровержения выводов Моргана справедливо отмечают американским учёным Л. Уайтом. «Полевая работа, — пишет он, — может определить, имеет ли народ матрилинейный или патрилинейный счет происхождения, но она не может сказать, что чему предшествовало в процессе социальной эволюции. Полевая работа может открыть, имеет ли народ кланы или не имеет, но она не откроет вам, как возникла клановая организация»³. Несомненно, что для решения этих проблем необходимы были исторические исследования. Как убедительно показали американские же этноисторики, для решения этих проблем полевые этнографические исследования необходимо сочетать с изучением исторических документов и археологических материалов. С 1950-х годов в печати начали все чаще появляться заявления о том, что Моргана критиковали необоснованно. Упрочилось признание его в качестве осново-

³ L. White. The Concept of Evolution in Cultural Anthropology. «Evolution and Anthropology: a Centennial Appraisal». Washington. 1959, p. 21.

положника не только американской этнографии как научной дисциплины, но и «социальной антропологии» в целом. О такой реориентации американских этнографов свидетельствует и выход в свет значительной литературы, посвященной переоценке Моргана как ученого и исследованию его научного наследия. Однако наряду с признанием значения трудов Моргана зачастую делаются попытки противопоставить взгляды его марксизму, доказать, что в действительности Морган был идеалистом. Обоснованию этого посвящен, например, ряд работ известного этнографа США М. Оплера⁴. Но есть немало других работ, где дается объективная положительная оценка научного наследия Моргана, излагается судьба его трудов, обосновываются новыми данными его основные выводы. Однако до последнего времени даже на страницах указанных работ чаще всего признаются главным образом научные достоинства двух книг Л. Г. Моргана — «Лига ирокезов» и «Системы родства и свойства», особенно последней, благодаря которой Морган признается основателем науки о системах родства. «Антропологи», — писал в 1960 г. известный этнограф США Ф. Эгган, — были единодушны в восхвалении его «Систем родства и свойства» в противоположность их реакции на «Древнее общество»⁵. Критическая же оценка А. Крёбером, Р. Лоуи и другими основных положений последнего труда Моргана продолжает еще оказывать влияние на многих современных североамериканских этнографов, хотя и здесь можно наблюдать тенденцию к пересмотру этой критики.

В свете современной полемики, развернувшейся вокруг Моргана, весьма знаменателен факт публикации в США двух новых изданий его «Древнего общества». Редакторами этих изданий являются известные ученые Элеонора Ликок и Лесли Уайт⁶. Оба они стоят на прогрессивных позициях историзма и признания общих закономерностей поступательного развития общества и материалистического объяснения исторического процесса. Материализм Л. Уайта, известного биографа Моргана, исследователя и издателя его научного наследия, в течение десятилетий защищавшего Моргана и его идею общей закономерности прогрессивного развития человеческого общества, носит характер технологического детерминизма. Взгляды Э. Ликок близки основным положениям исторического материализма. Этноисторические работы Э. Ликок, посвященные прошлому индейцев Америки, содержат аргументированную критику антиисторических концепций изначальности частной собственности, развивавшихся американскими этнографами исторической школы.

Предпосланное Л. Уайтом предисловие к «Древнему обществу» содержит подробную биографию Моргана. Собранные здесь фактические данные позволяют проследить три периода развития научных интересов Моргана к проблемам истории древнего общества. Первый период был связан с его деятельностью в литературном молодежном клубе «Великий Орден ирокезов», который ставил перед собой благородную цель распространения знаний об индейцах, чтобы тем способствовать

⁴ См. M. E. Opler. Integration, Evolution and Morgan. «Current Anthropology», 1962, vol. 3, № 5; e j u s d. Two Converging Lines of Influence in Cultural Evolutionary Theory. «American Anthropologist», 1962, vol. 64, № 3; e j u s d. Cultural Evolution, Southern Athapaskans and Chronology of Theory. «Southwestern Journal of Anthropology», 1961, vol. 17, № 1; Э. Констас. «Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук». Т. 4. М. 1967, стр. 455—461.

⁵ См., например: C. Resek. Lewis Henry Morgan, American Scholar. Chicago. 1960; У. Фентон. «Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук», стр. 461—474; F. Eggan. Lewis H. Morgan in Kinship Perspective. «Essays in the Science of Culture in Honor of L. White». N. Y. 1960, p. 181; e j u s d. The American Indian, Chicago. 1966.

⁶ L. H. Morgan. Ancient Society. Ed. by E. Burke Leacock. N. Y. 1963; L. H. Morgan. Ancient Society. Ed. by L. A. White. Cambridge (Mass.). 1964.

лучшему пониманию их белым населением, считавшим индейцев низшей расой. По мысли организаторов, одним из которых был Морган, орден должен был стать точной копией Лиги ирокезов. С этой целью его члены усиленно изучали структурные принципы ирокезской лиги, посещая индейские резервации и собирая материал не только о лиге, но и о жизни и культуре ирокезов. Результаты своих первых исследований Морган оформил сначала в виде доклада «Конституционная организация Лиги шести наций», с которым он выступил в 1846 г. в Нью-Йоркском историческом обществе. Затем, в 1847 г., он опубликовал свои материалы в «American Review» в форме «Писем об ирокезах президенту Нью-Йоркского исторического общества Альберту Галлатину». Завершением этого этапа этнографических исследований Моргана была публикация им в 1851 г. первой научной монографии об ирокезах — «Лига ирокезов», которая не потеряла своего научного значения и в наши дни как исследование структуры знаменитой конфедерации ирокезских племен. Этой публикацией Морган намеревался положить конец своим этнографическим исследованиям и заняться исключительно юридической практикой. Однако лет через пять он вновь обратился к этнографии.

В этот второй период его внимание сосредоточивается на изучении терминологии родства — сначала у индейских племен — ирокезов, оджибвеев, дакотов, криков и др., а позднее и у других народов мира. Результатом этих исследований был его монументальный труд «Системы родства и свойства», опубликованный через 20 лет после выхода в свет «Лиги ирокезов» (в 1871 г.). Начав свои многолетние исследования систем родства с целью доказательства азиатского происхождения американских индейцев, в итоге систематизации и анализа огромного фактического материала Морган пришел к формулированию теории эволюции человеческой семьи от промискуитета к моногамии, теории, ставшей исходной в дальнейшей разработке его концепции истории первобытного общества.

С разработкой этой концепции и написанием классического труда «Древнее общество» связан был третий и кульминационный период научной деятельности Л. Г. Моргана, задачу которого он определял как выяснение «линий человеческого прогресса через дикость, варварство к цивилизации». Положительно оценивая фактическую сторону этой работы Моргана, Л. Уайт пишет, что она занимает до 60% текста книги, показывая тем самым необоснованность обвинений Моргана в социологическом схематизме. В то же время Л. Уайт, по существу, присоединяется к критикам Моргана, пытающимся доказать, будто Ф. Энгельс ошибался, говоря о том, что Морган «в рамках своего предмета самостоятельно открыл материалистическое понимание истории», ибо на самом-то деле Морган — идеалист. По мнению Л. Уайта, в труде Моргана доминирует положение, что развитие идей определяет развитие общества, тогда как технические изобретения и открытия якобы мало его интересуют. Бесспорно, что в «Древнем обществе» Морган часто говорил о развитии институтов как следствии развития первичных идей, или «первичных зародышей мысли», что нельзя расценить иначе как идеализм. Л. Уайт убедительно показывает связь этих взглядов Моргана с философскими взглядами П. Каймза, А. Г. Ж. Тюрго, Ж. А. Кондорсе, произведения которых он усиленно изучал в студенческие годы. Но к оценке соотношения идеализма и материализма в концепции первобытной истории Моргана, как нам представляется, более справедливо подошел Ю. И. Семенов, когда писал, что «идеалистом Л. Г. Морган является лишь в своих самых общих теоретических высказываниях. Практически же он почти везде, сам того отчетливо не сознавая, подходит к рассмотрению общественных явлений как убежденный материалист».

лист»⁷. Очень характерно в этом отношении, например, утверждение Моргана, что «самые ранние идеи собственности были тесно связаны с добычей средств существования, что составляло первую потребность человека... Каждый этнический период обнаруживает заметный прогресс по сравнению с предшествующим не только по количеству изобретений, но и по разнообразию и объему собственности, явившейся результатом этих изобретений»⁸.

На этом примере особенно наглядно можно видеть соотношение идеалистического и материалистического моментов в концепциях Моргана. Начав свое рассуждение с идеи собственности, он кончает его определением собственности как результата развития способа добычи средств существования и связанных с этим изобретений. Таково же соотношение идеализма и материализма в трактовке Морганом других социальных институтов древнего общества. Мы не можем согласиться также с утверждением Л. Уайта, что в основе стихийно-материалистических взглядов Моргана лежали теории технологического и экологического материализма. Материалистическая концепция Моргана заключалась в том, что, видя в совершенствовании способов добычи средств существования основу смены этнических периодов, он учитывал при этом не только изобретения и открытия, но и отношения собственности, рассматриваемые как их следствия. Современные же сторонники технологического детерминизма, учитывая технический прогресс, игнорируют связанные с этим прогрессом изменения в производственных отношениях, в отношениях собственности.

Влияние «критического» похода против Моргана сказалось также в утверждении Л. Уайта, что современные антропологи (конечно, буржуазные.— Ю. А.) якобы опровергли моргановскую теорию эволюции семьи от промискуитета к моногамии. «Единственными приверженцами этой теории,— пишет Уайт,— являются упорные марксисты, которые считают, что любая критика Моргана является изменой марксизму». Устарелость же этой теории, по мнению Л. Уайта, была доказана, во-первых, новой теорией систем родства, согласно которой термины обозначают социальные связи, проявляющиеся в поведении и склонностях людей, а не действительные брачные связи или общность происхождения. «Терминология родства,— пишет Л. Уайт,— выражает поведение и склонности, а не кровное родство и свойство». Развивая подобного рода интерпретацию, Уайт явно становится на идеалистические позиции бихевиоризма: «Если я называю брата моего отца «отцом», а сестру матери «матерью», то делаю это я не потому, что в прошлом они вступали в групповой брак друг с другом, а потому, что мое поведение в отношении братьев отца таково же, что и в отношении моего отца, а они, в свою очередь, относятся ко мне, как к сыну; так же и в отношении сестер матери»⁹.

Известно, что целый ряд ученых Англии и США пытается объяснить это поведение психологической теорией «расширения чувств». Впервые она была сформулирована Б. Малиновским, исходившим из постулирования универсальности индивидуальной семьи как исходного вечного института в истории человечества. Суть ее заключалась в трактовке образования социальных единиц в первобытном обществе как следствия расширения семейных связей и в объяснении систем родства как распространения возникающих в семье чувств на людей, стоящих вне ее. В основе этой концепции лежал фрейдовский эдипов комплекс. Поддержанная А. Р. Радклиффом-Брауном, Э. Э. Эвансом-Причардом, К. Леви-Строссом, Д. М. Шнайдером и Дж. Хомансом, эта теория,

⁷ Ю. И. Семенов. Учение Моргана, марксизм и современная этнография. «Советская этнография», 1964, № 4; стр. 173.

⁸ Л. Г. Морган. Древнее общество. Л. 1934, стр. 315.

⁹ L. H. Morgan. Ancient Society. Ed. by L. A. White, p. XXV.

однако, подвергается обоснованной критике многими учеными в Англии (и главным образом бывшими учениками Б. Малиновского). Первым против теории «расширения чувств» выступил Г. Фэрт в книге «Мы, тикопийцы» (1936). Начатая критика была успешно продолжена в работах М. Фортеса, Ж. Гуди, Э. Лича¹⁰ и других, которые, вскрывая абстрактность положений Б. Малиновского, убедительно показывали их необоснованность даже его собственными полевыми исследованиями. «Легко показать на его полевом материале, — писал, например, М. Фортес, — как он искажал факты, чтобы доказать свои теории». Доказательству этой же мысли посвящена специальная статья Э. Лича¹¹. В этих и ряде других работ был убедительно показан субъективный идеализм теорий Б. Малиновского. Поэтому нас несколько озадачила точка зрения на системы родства, высказанная Л. Уайтом, известным до сих пор своими материалистическими позициями. К сожалению, влияние концепций Малиновского сказывается и в оценке Л. Уайтом места моногамной семьи в истории общества. Этнографические наблюдения XX в., по его мнению, «показали, что народы с наиболее низкой культурой преимущественно моногамны, тогда как по теории Моргана они должны были бы быть наименее моногамными из всех известных народов». Но к народам «с наиболее низкой культурой» сторонники исторической школы относили племена охотников и рыболовов американского севера, у которых промысел товарной пушнины был ведущим в хозяйстве с начала их эксплуатации торговыми компаниями в XVII веке. Современные исследования американских ученых в области исторической этнографии показали, что к началу колонизации это были племена полуседлых рыболовов-охотников с развитой родовой организацией, вовлечение же их в орбиту торгового капитала повело к распаду прежней социальной системы и превращению индейских охотников в полупролетариев, колониальная эксплуатация которых скупщиками пушнины низвела их на положение наиболее эксплуатируемой и нищей части населения современных капиталистических стран — США и Канады. Описывая их именно на этом уровне «декультурации» (по терминологии некоторых из современных исследователей), этнографы старой школы характеризовали эти народы как «примитивные» племена «с наиболее низкой культурой». Описанная ими в XX в. моногамная семья у этих народов была уже следствием многовековой истории проникновения товарности в их хозяйство. Опровержение тезиса Моргана о позднем возникновении моногамной семьи Л. Уайт видит и в современных исследованиях социальной жизни приматов, у которых якобы обнаружена семья; «исходя из этого, — заключает он, — человеческое общество должно было иметь этот институт с самого начала»¹².

Думается, что такое утверждение Л. Уайта игнорирует данные современных исследований приматологов, свидетельствующие о разнообразии форм сожителства у различных видов приматов. В интересном обзоре многолетних исследований поведения обезьян, принадлежащем японскому ученому К. Иманиси¹³, говорится, например, об установлении «матрилинейного рода» — у лающих обезьян, «семьи» — у гиббо-

¹⁰ M. B. Fortes. Malinowski and Study of Kinship. «Man and Culture: An Evaluation of the Work of B. Malinowski». L. 1957; J. Goody. The Mother's Brother and Sister's Son in West Africa. «Journal of the Royal Anthropological Institute», 1959, vol. 89, № 1; E. Leach. Rethinking Anthropology. L. 1961

¹¹ M. B. Fortes. Op. cit., p. 165; E. Leach. Concerning Trobriand Clans and the Kinship Category «Tabu». Marriage in Tribal Society. «Cambridge Papers in Social Anthropology». 1962, № 3.

¹² См. L. H. Morgan. Ancient Society. Ed. by L. A. White, p. XXV.

¹³ K. Imanishi. Social Organization of Subhuman Primates in their Natural Habitat. «Current Anthropology», 1960, Vol. 1, № 5; См. также Ш. Р е м и. От пчелы до гориллы. М. 1965, гл. 8.

нов, полиандрии — у бабуинов, ночной группы — у краснохвостых обезьян, промискуитетных стад — у шимпанзе и т. д. В течение долгого времени в науке широко принималось развивавшееся в работах английского ученого С. Цукермана¹⁴ положение, что гаремная семья является основной единицей в обществах приматов. Однако дальнейшие исследования форм объединения приматов не только показали ошибочность этого обобщения, но и поставили под сомнение правомерность применения к ассоциациям животных термина «семья», обозначающего социальную единицу в человеческом обществе¹⁵. Попытки обращения к подобному рода критериям биологического порядка для суждения о ранних формах социальной жизни людей, как известно, предпринимались еще в конце XIX в., например, Э. А. Вестермарком, и подвергались неоднократной критике в марксистской литературе¹⁶.

Наиболее концентрированно свою критику моргановского учения Л. Уайт высказывает тогда, когда определяет положительные стороны редактируемого им труда. Так, он пишет: «Несмотря на провал моргановской теории социальной эволюции и, в частности, эволюции семьи; несмотря на то, что он подгонял факты аборигенной американской этнографии под ирокезский шаблон; несмотря на то, что он считал свои выводы верными, потому что он не представлял возможности формулирования лучшей теории, «Древнее общество» имеет огромное значение в истории этнологической науки и является подлинно великим трудом». Велик этот труд, по мнению Уайта, тем, что в нем автор порвал с христианской теологией и теорией деградации, показав глубокую древность человека, историю которого до этого начинали с акта «сотворения мира» в 4004 г. до н. э. в «Древнем обществе» мы видим первую выдающуюся попытку ученого наметить реальный ход культурного развития от происхождения человека до относительной современности». И далее: «Конечно, в схеме Моргана можно найти ошибки и искажения» (к которым Уайт относит утверждения Моргана, что первые люди жили на деревьях, что развитие мозга человека соответствует развитию культуры, что ранним человеческим обществам был присущ промискуитет, то есть неупорядоченные половые сношения¹⁷). Как известно, концепция Моргана о промискуитете первобытной человеческой орды подверглась наиболее ожесточенной критике буржуазных ученых. Л. Уайт, допуская промискуитет в далеком прошлом приматов, отодвигает его тем самым в отдаленное от человека прошлое.

Иначе подходят к этому вопросу советские антропологи и археологи: на основе новейших научных данных они выделяют в истории человеческого общества период формирования современного человека и становления самого человеческого общества. Начало его датируется появлением первых людей — питекантропов, а конец — возникновением *Homo sapiens*. Характеризуя этот период как первобытное человеческое стадо, советские ученые считают, что половая жизнь в этом стаде носила беспорядочный, неорганизованный характер. В ряде черт эта характеристика первобытного человеческого стада совпадает с характеристикой, данной Морганом первоначальному объединению людей в орде, живущей в промискуитете¹⁸. В то же время большинство советских ученых считает, что первобытное человеческое стадо вместе с возникновением современного человека превратилось в род, и отвергает гипотезу Моргана, предполагавшего, что между ордой с промискуите-

¹⁴ S. Zuckerman. The Social Life of Monkeys and Apes. L. 1932, pp. 314—315.

¹⁵ См. К. Imanishi. Op. cit., p. 396.

¹⁶ E. A. Westermarck. The History of Human Marriage. L. 1891. См. об этом: К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. II, стр. 183—185.

¹⁷ L. H. Morgan. Ancient Society. Ed. by L. A. White, p. XXIX.

¹⁸ См. Ю. И. Семенов. Возникновение человеческого общества. М. 1966; его же. Учение Моргана, марксизм и современная этнография, стр. 181.

том и родом лежит период кровнородственной семьи, сменяющейся семьей пуналуа, из которой лишь и возникает род. Исследования семьи пуналуа, в частности, показали, что она представляет собой своеобразную форму патриархальной семьи и является сравнительно поздним образованием, возникающим уже на этапе распада родового строя. Этот основанный на новых данных пересмотр советскими учеными гипотез Морганов об эволюции семьи показывает ошибочность утверждений Л. Уайта о том, что марксизм якобы упорно сопротивляется уточнению учения Морганов.

Л. Уайт признает, что хотя периодизацию Морганов много критиковали за «стадии развития» и за критерии определения каждой стадии, «однако в целом его серия стадий от происхождения огня до начала письменности сохранила свое значение»¹⁹. Советские ученые, как известно, также находят, что современные археологические исследования подтверждают периодизацию Морганов в основных ее звеньях. Однако вместе с тем они показывают ошибочность некоторых критериев этой периодизации. Во-первых, археологические исследования, которые почти не велись во времена Морганов, показали, что огонь был известен уже обезьяночеловеку, следовательно, начало истории современного человека не может датироваться открытием огня. Во-вторых, рыболовство как ведущий способ добывания средств существования советские ученые относят к более поздней, чем Морган, ступени развития общества. В-третьих, советские ученые связывают возникновение классового общества (цивилизации — по Моргану) с появлением металла вообще, меди и бронзы в частности, а не железа²⁰. Несомненно также и то, что накопленные ныне сведения о первобытности позволяют внести существенные коррективы в моргановскую классификацию истории отдельных народов по периодам их развития. Общеизвестна ошибочность отнесения Морганом полинезийцев к средней ступени дикости. Можно внести целый ряд исправлений и в моргановскую классификацию отдельных индейских племен Северной Америки. Но эти коррективы не меняют намеченной им общей линии поступательного развития первобытности.

Большой заслугой Морганов Уайт считает «открытие им той огромной роли, которую играла клановая организация в социальной эволюции человечества». К сожалению, он не указывает на то, какую роль, какое место в истории общества отводил Морган роду и что сам Л. Уайт считает приемлемым из моргановского учения о роде. В буржуазной науке, как известно, учение Морганов о роде подвергалось уничтожающей критике. Сам Л. Уайт высказывает сомнение в правильности утверждения Морганов, что в Северной Америке в древности родовая организация была всеобщей, равно как и счет происхождения по женской линии. Уайт приводит при этом довольно распространенное объяснение такого вывода Морганов тем, что он якобы смотрел на американских индейцев через призму ирокезов и что если бы он начал свои исследования, например, с «безродовых пайютов», то его представления о древней социальной жизни индейцев были бы, вероятно, иными²¹. Однако накопленные сейчас материалы о социальной жизни американских индейцев (особенно исследования этноисториков) все убедительнее подтверждают правильность гипотезы Морганов о всеобщности родового устройства американских аборигенов в древности. Марк-

¹⁹ L. H. Morgan. *Ancient Society*. Ed. by L. A. White, p. XXVI.

²⁰ См. С. П. Толстов. К вопросу о периодизации истории первобытного общества. «Советская этнография», 1946, № 1.

²¹ L. H. Morgan. *Ancient Society*. Ed. by L. A. White, p. XXVI; см. также: J. Swanton. *Social Organization of American Tribes*. «*American Anthropologist*», 1905, vol. 7, p.: 664; R. Lowie. *Lewis H. Morgan in Historical Perspective*. «*Essays in Anthropology Presented to A. L. Kroeber*». Berkeley, 1936, p. 174.

систы в открытии Морганом материнского рода как основы, как главной ячейки доклассового общества видят его величайший вклад в науку о первобытности. «Род с материнским правом,— писал об этом открытии Ф. Энгельс,— стал (со времени выхода «Древнего общества» Моргана.— Ю. А.) тем стержнем, вокруг которого вращается вся эта наука»²². Мысль Моргана, что отцовский род является уже формой разложения родового строя, связанной со становлением отношений частной собственности, подтверждается сейчас множеством конкретных исследований.

Положительную сторону труда Моргана Л. Уайт видит далее в том, что автор его «вместе с Дж. Ф. Макленнаном и Дж. Бахофеном оспаривал освященную веками теорию патриархальной семьи как изначальной единицы человеческого общества». «Кроме того,— пишет, наконец, Л. Уайт,— «Древнее общество» устанавливает фундаментальное различие между «обществом примитивным» (*societas*), основанным на узах родства, и современным, или гражданским, обществом (*civitas*), организованным на основе отношений собственности и территориальных различий». Приведя тут же обвинения в адрес Л. Г. Моргана со стороны М. Фортеса и Р. Лоуи в том, что тот якобы заимствовал мысль об этом различии у Г. Мэна, Л. Уайт пишет: «Мы не уверены, что это утверждение оправданно»²³. Однако, если учесть всю совокупность моргановской характеристики «примитивного общества» как общества материнско-родового, первобытнокоммунистического, отличающегося от гражданского общества коллективизмом собственности, производства и потребления, проявлением которого и были сами отношения родства, то станет совершенно ясной необоснованность этих обвинений Моргана в плагиате. Говоря лишь о принципе родства как отличительном признаке первобытного общества, Л. Уайт крайне упрощает понимание Морганом сущности этого общества и его отличия от общества гражданского. Из всей работы Моргана совершенно ясно, что главное различие между ними Морган видел в господстве разных типов собственности: коллективной собственности в первобытнородовом обществе и частной собственности в гражданском, то есть классовом обществе.

Дав, таким образом, общую оценку идей Моргана в свете современной науки, Л. Уайт подробно останавливается на том, как в свое время было принято «Древнее общество». Он пытается в связи с этим ответить и на волнующий многих западных ученых вопрос: почему К. Маркс и Ф. Энгельс так высоко оценили этот труд «американского буржуазного ученого»? Отвечая на этот вопрос и приводя цитату Ф. Энгельса об открытии Морганом материалистического взгляда, Л. Уайт пишет, что их привлекло прежде всего материалистическое объяснение Морганом истории человечества. «На них,— пишет он далее,— произвели огромное впечатление намеченные им «этнические периоды», или стадии развития, о чем говорит Энгельс: «Морган был первым, сделавшим попытку внести логический порядок в историю человеческого общества...». Ф. Энгельс, по мнению Уайта, «принял положения Моргана относительно ранних форм семьи», доказательством чего служит якобы высказывание Ф. Энгельса о значении систем родства как исторического источника для изучения эволюции форм семьи. «Таким образом,— заключает Л. Уайт,— моргановская теория социальной эволюции была узаконена в марксистской литературе, в которой она с тех пор защищалась от всякой научной критики и научных данных»²⁴. Очевидно, что Л. Уайт не совсем верно понял отношение марксистов, в частности

²² К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. II, стр. 171.

²³ L. H. Morgan. Ancient Society. Ed. by L. A. White, p. XXXI.

²⁴ Ibid., p. XXXIV.

Ф. Энгельса, к «теории социальной эволюции» Моргана. Во-первых, не оправдано сведение теории социальной эволюции к эволюции семьи или к признанию Ф. Энгельсом и марксистской историографией в целом систем родства как исторического источника, к признанию моргановской теории эволюции ранних форм семьи и «защите ее от всякой критики». Известно, что еще Ф. Энгельс, присоединившись к взглядам Моргана по вопросу о кровнородственной семье и семье пуналуа в первом издании своей книги, уже в четвертом ее издании значительно отходит от этих взглядов, допуская возникновение дуально-родовой системы непосредственно из промискуитета²⁵. В результате последующих исследований советские ученые, как уже отмечалось, признали ошибочность гипотезы Моргана о кровнородственной и пуналуальной семье как необходимых промежуточных формах между первобытным человеческим стадом и родовым обществом.

Справедливо замечание Л. Уайта, что К. Маркса и Ф. Энгельса привлекло в работе Моргана подчеркивание последним значения собственности в развитии цивилизации, а также выводы о преходящем характере классового общества и его пророчество о новом обществе, которое сменит общество наживы и «возродит на высшем уровне свободу, равенство и братство древних генсов». Л. Уайт останавливается также на противоречивости социально-политических взглядов Моргана: «Внешне ничто не связывает Моргана с революционным социалистическим рабочим движением, ибо он «дитя так называемой буржуазной революции»²⁶. Идеализация общественного строя США, где, по мнению Моргана, классы упразднены, собственность диффузирована между трудом и капиталом и господствуют равенство, свобода и братство, привела к тому, что Морган не сумел увидеть ту ожесточенную классовую борьбу, которую вели американские рабочие во второй половине XIX в.: он считал, что классы и классовая борьба могли иметь место лишь в Европе.

Л. Уайт критически оценивает отношение к Моргану представителей антиэволюционной исторической школы американской этнографии, а также этнографов европейской римско-католической церкви, пытавшихся ниспровергнуть его учение. Однако, несмотря на критику критиков Моргана, Л. Уайт, как видим, многое от них воспринял как доказанные истины.

Э. Ликок строит характеристику взглядов Моргана по-иному, нежели Л. Уайт. Она предпосылает предисловие каждой из четырех частей его книги, дает более подробный анализ значения научных выводов Л. Г. Моргана в свете современных знаний о первобытности (в отличие от предисловия Л. Уайта, которое содержит больше сведений биографического порядка). В предисловии к первой части Ликок дает наиболее общие оценки научных и политических взглядов и убеждений Моргана, характеризуя его как гуманиста, либерала, подчас даже почти иконоборца (хотя так же, как и Уайт, она подчеркивает идеализацию Морганом современного ему общественного строя США). «Морган,— пишет Ликок,— никогда не был революционером... но многое в его трудах совпадало с социалистической ориентацией»²⁷.

Э. Ликок отмечает, что, несмотря на отрицательное отношение американских ученых к труду Моргана, «его общая последовательность стадий укоренилась в нашем понимании предыстории и интерпретации археологических находок. Об этом говорит любое руководство по антропологии... В них заменены лишь термины. В США вместо термина «ди-

²⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. II, стр. 192—193. См. также Ю. И. Семенов. Учение Моргана, марксизм и современная этнография, стр. 182—183.

²⁶ L. H. Morgan. Ancient Society. Ed. by L. A. White, p. XXXV.

²⁷ L. H. Morgan. Ancient Society. Ed. by E. Leacock, pp. I—VI.

кость» говорят «охота-собирачество» или «окраинное охотничье хозяйство палеолита». Вместо «варварство» говорят об обществах, занимающихся земледелием, «подсечно-огневым земледелием» или земледелием с помощью простейших орудий... Термин «цивилизация» употребляется и в наши дни, хотя все большее распространение получает термин «городская культура» для обозначения сложных обществ, возникших вместе с развитием плужного земледелия, использования удобрений и ирригации». Критики Моргана, пишет Ликок, обвиняли его в том, что разработанная им периодизация стадий слишком узка и схематична, что он-де не учитывает всей сложности и разнообразия культур, пытаясь все их втиснуть в одну схему. Пользуясь тем, что Морган ошибочно отнес полинезийцев и индейцев северо-западного побережья Северной Америки, находившихся уже на этапах становления классового общества, но не имевших гончарства, к средней ступени дикости²⁸, критики Моргана пытались доказать многолинейность развития различных обществ и ошибочность учения Моргана о единой последовательности этапов прогресса человеческого общества. Они утверждают, что Морган не принимал во внимание того, что условия среды, заимствования и диффузии исключают возможность всеобщей последовательности стадий развития. Ликок аргументированно возражает этим критикам, справедливо отмечая, что сформулированная Морганом единая закономерность развития первобытного общества означает не саму последовательность, а процесс, лежащий в ее основе. «Морган,— пишет она,— признавал влияние «диффузии», так же как влияние различий экологических условий на ход развития культуры. Он признавал и так называемую многолинейность исторического процесса, говоря о различиях развития Старого и Нового Света, о возможных «эквивалентах» смены стадий. Он допускал и возможные исключения из общей последовательности стадий. Критики Моргана пытались доказать, что экономика общества ни в коей мере не может быть основой других институтов, что новейшие исследования якобы показали, что частная собственность существовала в самых отсталых обществах, что все общества имели классы, что, короче говоря, любой тип социальной и политической надстройки может быть связан с любым типом экономики. «Однако,— отвечает этим критикам Ликок,— дальнейшие исследования показали, что частная собственность в простых обществах была просто личной собственностью, что земля, основной источник существования, была всегда в коллективном пользовании; что «статусы»— это не классы... В действительности,— заключает она,— допущение, что между экономикой и другими институтами данного общества нет последовательной причинной связи, никогда не было общепринятым»²⁹.

Выступая против Моргана, замечает Ликок, его критики не обнаружили главного недостатка его теории, заключающегося в том, что он не довел до конца свою мысль об основной последовательности способов добывания средств существования и не сделал эти способы основой своих периодов. Э. Ликок считает совершенно бесспорным положение Моргана об эволюции собственности от коллективной к частной, но в то же время справедливо отмечает уязвимость позиций Моргана, сосредоточившего главное внимание на развитии форм собственности и оставившего вне поля зрения экономическую структуру общества. Морган видел связь между возникновением частной собственности, классов и государства, но эта проблема, отмечает она, была затронута Морга-

²⁸ Ibid., pp. I—XI, XIII. Нельзя не согласиться с мнением Ликок, что наиболее слабым критерием Моргана в определении этнических периодов было гончарство (например, полинезийцы, находившиеся на этапе становления классового общества, были отнесены Морганом ввиду отсутствия у них керамики к средней ступени дикости).

²⁹ Ibid., pp. I—XIV, XVI.

ном лишь в общих чертах и только в труде Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» она получила свою разработку.

В предисловии ко второй части труда Моргана Ликок признает, что открытие им роли родовой организации в социальной эволюции человечества было важнейшим вкладом в науку о человеческом обществе. Однако, признавая роль родовой организации, Э. Ликок не согласна с Морганом в том, каково место этой организации в истории общества. В этом вопросе она разделяет распространенную на Западе теорию позднего возникновения родовой организации, связывая ее с появлением земледелия, «когда люди стали производить пищу, а не просто ее искать и ловить, когда понадобились более формализованные способы регулирования их совместных усилий... Генс, клан или сиб,— пишет она,— является основной социальной единицей среди народов, сравнительно оседлых, но недостаточно еще развивших земледелие, чтобы поддерживать полную «политическую» организацию»³⁰. Из этого следует, что Э. Ликок не видит столь резких границ между родовым обществом и классовым, как они представлялись Л. Г. Моргану. В ее характеристике двух периодов разница между ними лишь в степени «политической» организации того и другого. Мы полагаем, что представление о родовой организации как о крайне формализованной социальной структуре относится к ее последней стадии, когда в рамках еще по форме своей родového общества развиваются уже элементы будущего классового общества и родовая структура начинает использоваться как форма возникающей государственности. Именно на этой стадии находилась описанная Морганом родовая организация ирокезов эпохи их конфедерации. По Моргану, это была средняя ступень варварства, само же возникновение родовой организации он относил к средней ступени дикости, говоря о полном господстве ее на протяжении последней ступени дикости и всего периода варварства.

Согласно взглядам Э. Ликок, родовой организации как сравнительно поздней ступени в истории общества предшествует дородовая ступень. Считая, что Морган не посвятил достаточного внимания этой дородовой стадии, она уделяет много места попытке охарактеризовать ее. Общеизвестно, что американские этнографы исторической школы часто противопоставляли учению Моргана о роде как всеобщей форме организации первобытного общества описания различных типов «безродовых» и «дородовых» племен. Обобщения Э. Ликок по этой проблеме в значительной степени основываются на работах этих ученых. Но в отличие от них в родовой организации она видит хотя и позднюю, но все же закономерную ступень развития человеческого общества. Игнорируя факты наличия материнско-родовой организации у целого ряда неземледельческих племен, Э. Ликок пытается отнести все современные племена охотников и собирателей окраинных частей земного шара к дородовой стадии, разделяя тем самым точку зрения американских этнографов Дж. Стюарда и Э. Сервиса, утверждающих, что люди на дородовой стадии делились на орды, состоящие из нескольких индивидуальных семей, обычно сравниваемых с современной семьей³¹. Правда, Ликок видит отличие семьи в охотничьем обществе от современной европейской семьи в том, что там она функционально поглощена коллективом орды, что это слабо моногамная, преимущественно матрилокальная семья со случаями полигамии и легко расторгжимым браком. Э. Сервис же характеризует дородовую орду как патрилокальную. Примитивизм такой орды и Ликок и Сервис видят в том, что это струк-

³⁰ Ibid., pp. II—VII.

³¹ См. J. Steward, *Theory of Culture Change*. Urbana. 1955; E. Service, *Primitive Social Organization, an Evolutionary Perspective*. N. Y. 1962.

турно слабый, почти анархичный коллектив семей, очень гибкий и легко приспособляющийся к условиям среды и тем отличающийся от якобы строго формализованного устройства родового общества. Э. Ликок устанавливает, что под влиянием колонизации матрилокальность в таких ордах постепенно сменяется патрилокальностью, но о матрилинейности и патрилинейности в них не может быть и речи, поскольку это «дородовые» племена и, следовательно, у них могла быть якобы лишь билатеральность. В наличии у этих племен перекрестных кузенных браков Ликок видит не следствие древней дуально-родовой организации, а основу, на которой на следующем этапе развития возникает род.

Таким образом, считая, что вся эпоха присваивающего хозяйства, когда люди жили охотой, рыболовством и сбором дикорастущих плодов и злаков, относится к дородовой форме организации, Ликок, по существу, отрицает положение Моргана, что род был основной ячейкой первобытного общества. Огромный отрезок истории этого общества, охватывающий, по периодизации Моргана, даже первую ступень варварства, характеризуется ею как дородовой. Дородовой этап в развитии человеческого общества признавал и Морган, он признается и советскими учеными. Последние, как известно, выделяют три главные эпохи в истории первобытного общества (первобытного человеческого стада, родовую и эпоху разложения родовой организации и становления классового общества), к дородовой форме относят первобытное стадо питекантропа — неандертальца. Археологические и антропологические данные позволяют сейчас отнести эту форму к нижнему палеолиту, который, по периодизации Моргана, в основном совпадает с низшей ступенью дикости, характеризовавшейся им как дородовое состояние. Начало эпохи родового общества советские исследователи связывают с гранью между нижним и верхним палеолитом, что совпадает в периодизации Моргана со средней ступенью дикости. Господство родовой организации, по Моргану, охватывает последнюю ступень дикости и весь период варварства.

Мы не можем согласиться с широко принятой в этнографии США характеристикой социального устройства охотничьих племен как дородовой формы жизни людей. Этноисторические исследования социальной жизни охотничьих племен Северной Канады, осуществленные самой Э. Ликок, Дж. Хелм, Г. Хикерсоном, убедительно показали, что «орда», о которой пишет Ликок, уже в XVIII—XIX вв. по существу своей представляла раннюю форму соседской общины, возникшей у многих племен уже в XVII в. как следствие вовлечения в европейскую меховую торговлю и перехода их в связи с этим от натурального рыболовства и мясной охоты к товарному промыслу пушного зверя. Имеющиеся сейчас значительные исторические материалы о таких племенах свидетельствуют, что этой соседской общине предшествовала родовая организация, от которой она унаследовала ряд черт, и прежде всего коллективную собственность на охотничьи угодья, отношения взаимопомощи, облекавшиеся в отношения реального или фиктивного родства. Индивидуальная семья на первых порах становления пушного промысла была еще экономически слабой общественной ячейкой, хотя промысел, способствуя индивидуализации труда, ускорял ее превращение в основную хозяйственную единицу, которой вплоть до XIX в. у этих племен была большесемейная община. Ранние формы соседской общины основывались еще на принципах родства, но родства кровного, отсюда их билатеральность, о которой так много пишут этнографы США как о форме, якобы предшествующей принципу однолинейного родства, лежащего в основе родовой общины³².

³² См. H. Hicherson. The Genesis of Bilaterality Among Two Divisions of Chippewa. «American Anthropologist», 1966, vol. 68, № 1. Здесь убедительно показана

Несомненно, распространенная в США трактовка социальных институтов отсталых племен охотников и звероловов XIX—XX вв. является архаизацией их общественных отношений. Это печальное отступление от принципа историзма, которому Э. Ликок обычно следует в своих этноисторических исследованиях, трудно увязывается с высказанным ею же в более ранней работе очень верным положением: «Культуру отсталых народов современности нельзя приравнять к самым ранним стадиям человеческой истории»³³. Но ведь не менее ошибочно, например, отнесение ею самой развития эскимосов к дородовой стадии. Как показали новейшие археологические раскопки в районе Берингоморья, особенно на острове Уэллен, предки современных эскимосов были знакомы с железом уже на рубеже нашей эры³⁴. Советские ученые, исследуя социальную жизнь эскимосов, обнаружили у них пережитки рода, что свидетельствует о том, что однолинейность предшествовала устанавливаемой у них современными учеными билатеральности³⁵.

В итоге ознакомления с тем, как Э. Ликок представляет себе соотношение дородовой и родовой форм в истории общества, становится непонятным, в чем же она видит величие открытия рода Морганом. Как и Л. Уайт, Э. Ликок разделяет мнение исторической школы американской буржуазной этнографии об ошибочности морганистской схемы эволюции семьи. Вместе с тем она пытается противопоставить ему свое понимание этой эволюции, в которой «слабодомогамная» семья «дородовых» охотников и собирателей с появлением земледелия, а вместе с ним рода приобретает характер синдиасмической, или парной, семьи. С возникновением этой формы семьи, утверждает она, возникает новый фактор брачных отношений, когда брачные узы объединяют не столько индивидов — мужа и жену, сколько два рода. Таким образом, индивидуальные связи, якобы характерные для дородового общества, уступают место межродовым связям в родовом обществе. Брак становится более стабильным под воздействием сородичей, стремящихся к укреплению межродовых связей. Дальнейшее развитие семьи представляется Ликок как стабилизация моногамии и превращение семьи под воздействием развития частной собственности в экономическую ячейку общества.

Итак, Э. Ликок, как и Л. Уайт, исходит из изначальности моногамной (полумоногамной) семьи в истории человеческого общества. Она отвергает гипотезу Морганова о групповых формах брака как предшествующих браку моногамному. Ошибочность этой гипотезы, по ее мнению, давно доказана трактовкой институтов полового партнерства и полового гостеприимства лишь как приемлемых отклонений от строгих правил моногамии, которые имеют место во всех культурах, а не являются пережитками группового брака, а также новой трактовкой сущности терминов родства, являвшихся-де единственной основой для реконструкции Морганом групповых форм брака в древности. Это новое понимание терминов родства Э. Ликок (подобно Л. Уайту) видит в том, что они истолковываются как обозначения социальных, а не биологических связей: в терминологии родства воплощаются формы авторитета, уважения, взаимопомощи, но они не указывают на действительное или

вторичность билатеральности, возникающей как следствие распада рода. См. также F. Eggan. *Methods and Results. «Social Anthropology of North American Tribes»*. Chicago, 1955.

³³ E. Leacock. *Matrilocality in a Simple Hunting Economy*. «*Southwestern Journal of Anthropology*», 1955, vol. 11, № 1, p. 41.

³⁴ М. Г. Левин, Д. А. Сергеев. К вопросу о времени проникновения железа в Арктику. «Советская этнография», 1960, № 3.

³⁵ См. Д. А. Сергеев. Пережитки отцовского рода у азиатских эскимосов. «Советская этнография», 1962, № 6; Л. А. Файнберг. Общественный строй эскимосов и алеутов: от материнского рода к соседской общине. М. 1964.

потенциальное биологическое родство в настоящем или прошлом в такой же мере, как на социальные отношения. Бесспорно, что термины родства, порождаемые определенными общественными условиями, отражают социальные отношения; верно и то, что в родовом обществе, как пишет Э. Ликок, отношения людей выражаются в категориях терминологии родства. Но тот факт, что это все же термины *родства*, указывает прежде всего на их *биологическую* основу, на их возникновение как обозначения биологических связей между людьми. В эпоху родового общества, в котором социальные связи людей еще не отдифференцировались от биологических, совпадая с ними, термины родства обозначали и биологические и социальные связи в их первичном единстве. Только позднее, с распадом экономических основ родовой организации, социальное значение терминов начинает преобладать над биологическим.

Вся совокупность накопленных на сегодняшний день этнографических материалов убеждает нас в том, что моргановская периодизация развития семьи от групповых форм к моногамии верна. Подтверждается мнение Моргана, что появление моногамной семьи было вызвано возникновением частной собственности и имущественного неравенства. Все попытки доказать извечность моногамии ссылками на животный мир или на биологические и экологические факторы оказались малоубедительными. Современные исследования «охотничьих» народов еще раз показывают, что моногамная семья возникает у них в эпоху разложения родового общества, а не предшествует ему.

Необоснованно мнение Ликок, что «ученые-социалисты целиком приняли книгу Моргана». «Было бы нелепо,— писал Ф. Энгельс,— лишь «объективно» излагать Моргана, а не истолковать его критически и, используя вновь достигнутые результаты, изложить их в связи с нашими воззрениями и уже полученными выводами»³⁶. Книга Ф. Энгельса— отнюдь не переложение результатов исследований Моргана, а самостоятельное исследование, в котором Ф. Энгельс, используя материалы и выводы Моргана, изложил взгляды свои и К. Маркса, сложившиеся в связи с их историко-материалистической концепцией общественного развития. Ликок сама признает это в ряде мест своего предисловия. Советские ученые продолжали критическую линию разработки наследия Моргана на основе современных этнографических, археологических и антропологических исследований и внесли в периодизацию Моргана ряд коррективов.

Факт публикации в США за два года двух изданий труда Моргана говорит о большой значимости его и в наше время. «Система, внесенная им (Морганом.— Ю. А.) в первобытную историю, в основных чертах сохраняет силу до сих пор»³⁷,— писал в конце XIX в. Ф. Энгельс. Об этой же значимости свидетельствуют и моргановские чтения, начатые с 1963 г. в Рочестерском университете, которому Морган в свое время завещал свои архивы и библиотеку. Так, в 1966 г. была опубликована прочитанная здесь в 1964 г. серия лекций известного этнографа США Ф. Эггана на тему «Л. Г. Морган и американские индейцы»³⁸, в которой он показывает значение научной деятельности Л. Г. Моргана как зачинателя этнографического изучения индейцев.

³⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 36, стр. 123.

³⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. II, стр. 173.

³⁸ F. Eggan. The American Indian: Perspectives for the Study of Social Change. Chicago. 1966.